

3. Стернин И. А. Основные компоненты структуры концепта и проблема сопоставления концептов / И. А. Стернин // Язык и национальное сознание : межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 10. – С. 4–23.

References

1. Dosimova M. S. Nacional'naja specifika jazykovej obektivacii koncepta «zhenshhina» (na materiale russkogo i kazahskogo jazykov). Voronezh, 2008. 206 p.
2. Popova Z. D., Sternin I. A. Semantiko-kognitivnyj analiz jazyka. Voronezh, Istoki, 2006. 226 p.
3. Sternin I. A. Osnovnye komponenty struktury koncepta i problema sopostavlenija konceptov // Jazyk i nacional'noe soznanie. Voronezh, Istoki, 2008, iss. 10, pp. 4–23.

КОМПАРАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ИНОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ

Лаптева Мария Леонидовна, доктор филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: hohlina2004@yandex.ru.

В статье рассматривается национально-культурная специфика компаративных фразеологических единиц с инокультурным компонентом. Особое внимание уделяется лингвокультурологическому анализу устойчивых сравнений, содержащих в структуре инокультурный этноним, вербализующий стереотипы о психологических особенностях представителей «другой» национальности или репрезентирующий те или иные качества, свойственные национальному характеру «чужих».

Ключевые слова: компаративная фразеологическая единица, инокультурный компонент, противопоставление «Своё / Чужое», национально-культурная специфика

COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ANOTHER CULTURE COMPONENT

Lapteva Mariya L., Doctor of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: hohlina2004@yandex.ru.

This article discusses the national cultural specificity of comparative phraseological units with a component of other cultures. Particular attention is paid to the analysis of stability linguoculturological comparisons, containing other culture ethnonym in the structure, which is verbalizing stereotypes about psychological features of representatives of the «another» nationality or representing if not ones, then the others qualities of the national character of «strange».

Keywords: a comparative phraseological unit, another culture component, opposition “Several” vs. “Strange”, the national cultural specificity

Выбранный нами подход к описанию объектов русского языка и культуры в их постоянной взаимосвязи и взаимовлиянии основывается на интерпретации базовых для данной области исследования понятий сквозь призму идеи национального в оппозиции к инородному («чужому», «иному») культурному наследию, языку и обществу. Противопоставление «Своё / Чужое», на наш взгляд, базируется не на отрицании того, что отнюдь не свойственно русскому лингвокультурному сообществу, а на выявлении национально-

специфического через сравнение с общекультурным, определении роли инокультурного в национальной культуре и на доказательстве взаимообогащения языков и культур в рамках мировой культуры.

Собственно национальный фрагмент языковой картины мира обнаруживается и прослеживается в единицах фразеологического уровня особенно чётко. По верному наблюдению Д.О. Добровольского, большинство идиом относительно редко обладают абсолютными эквивалентами в других языках, что объясняется не столько их национально-культурным своеобразием, сколько несопадением техники вторичной номинации. Следствием такого несопадения оказываются либо различия в образной составляющей плана содержания близких по значению идиом, либо несопадения актуального значения при близости внутренней формы [1, с. 37]. Например, сравним персидскую фразеологическую единицу *знать лучше, чем европеец свои часы* и русскую – *знать как свои пять пальцев*. В русской языковой картине мира образную основу фразеологического значения – ‘очень хорошо знать’ – составляет соматический компонент *пальцы*, которые являются частью человеческого тела, а потому трактуются нами как образ «Своего». В персидском языковом сознании для вербализации того же значения выстраивается более сложный образ, связанный с особым пониманием европейской культуры, т.е. сравнение осуществляется через образ «Чужого».

Фундаментальным для межкультурной коммуникации является фактор *культурной границы*, наличие которой предполагает, что коммуниканты определяют себя и собеседника в терминах «свой» vs. «чужой» (независимо от качественной оценки) [2, с. 51]. Фразеология русского языка фиксирует существование такой границы посредством единиц, передающих отношение к «чужим»: *жадный как еврей, глаза как у китайца, мудрый как индийский гуру, гордый / надменный как поляк* и т.п. В данном случае коммуникация ведётся в рамках «своей» культуры, на «своём» языке, и коммуниканты принадлежат к одной культуре, но формально поведение, внешность, речь одного из участников коммуникативного акта, с точки зрения другого, соответствуют более «чужой» культуре, нежели «своей». Например: *В России всегда главным комплиментом даме из общества была довольно банальная фраза: «Вы элегантны, как француженка!»* (Э. Бакшеева. Быть модным с пеленок // Европа. 15.06.2001). Принадлежность к разным культурам не маркируется, но признание наличия семиотической границы, безусловно, является константным и поддерживается указанием на признаки, детерминированные «другой» культурой.

Употребление этнонима всегда вызывает в сознании говорящего свёрнутые в единый образ воспоминания о предшествующих контекстах его употребления, оценки соответствующих референтов и отношение к ним. Так, сравнивая себя по определённым признакам с представителем другой национальности (народности), мы одновременно проводим культурную границу, указывающую на то, что данные признаки в целом не характерны для нас, хотя в данный момент отделяют нас от «своих» и делают похожими на «чужих». Например: *Сейчас сижу за компом, слёзы ручьём, глаза как у китайца, мешки под глазами* (<http://fern.kiev.ua>). Даже определяя другую нацию (народ) по принципу бинарной оппозиции, мы имеем в виду самого себя, свои собственные характеристики, свои границы в поведенческом континууме.

Большинство единиц такого рода вербализуют стереотипы о психологических особенностях представителей «другой» национальности или репрезентируют те или иные качества как свойственные национальному характеру «иного» народа. Процесс восприятия одной и той же культуры может иметь различные когнитивные основания. Например, экстралингвистические факты русской истории, нередко находящие отражение во фразеологии, существенным образом влияют и на когнитивный процесс стереотипизации на языковом

уровне, и на формирование прагматического блока фразеологического значения. В частности, эксплицитными семами в структуре значения компаративной фразеологической единицы **напиваться как немец** – ‘напиться до пьяна’ – являются ‘пренебрежение’, ‘неприятие’, ‘агрессия’. Языковая память в данном случае поддерживается знаниями каждого носителя русского языка о военных конфликтах между Россией и фашистской Германией. Хотя данная единица зафиксирована ещё в сборнике образных слов и иносказаний М.И. Михельсона «Русская мысль и речь: Своё и чужое» (1903–1904), она поддерживается в русском языковом сознании за счёт военных конфликтов 1914 г., а также событий Великой Отечественной войны. Например: *Когда они наклюкались как сапожники, наутюжились как портные, **напивались как немцы**, <...> или просто по-солдатски употребили не в меру, в общем, дошли до кондиции, всё началось, как всегда: борьба, вольная и классическая, бросание через бедро и бросание ножей в доску, потом стрельба из пистолетов* (В. Дёгтев. Последний парад – НКРЯ).

Сравним: в семантике косвенно-производной единицы **аккуратный / аккуратен как немец (немецкая аккуратность, немец аккуратный)** – ‘чрезмерная педантичность в чём-л.’ – отразились стереотипные представления русских о немцах как народе, любящем чистоту, точность и порядок во всём. Например: *На работе вчера сломался лифт. Срочно прибыл техник и с **немецкой аккуратностью** его починил. Сегодня лифт с такой же **немецкой аккуратностью** сломался вновь – противно и **по-немецки аккуратно** скрипит дверями и никуда не едет. Весь офис с **немецкой аккуратностью** ругается на лифт и ждёт техника* (<http://gerzen.net/blog/ru/tag/lift/>). В представленном контексте фразеологический повтор создаёт иронический эффект.

Компаративные фразеологические единицы с инокультурным компонентом обнаруживают тесные парадигматические связи с этнокультурными единицами, что подтверждается наличием в языке как вариантов, так и синонимов. Например, рассмотрим ряд устойчивых сравнений со значением ‘чёрный, смуглый, загорелый’, представленный такими единицами, как **чёрный (смуглый, загорелый); почернеть, загореть как (словно, точно) араб, как арап, как цыган, как негр, как эфиоп, как ворон, как грач, как жук, как сапожное голенище, как головешка (головня)** [4, с. 35]. В данном случае выделяются две основные группы компаративов: 1) обороты, в которых сравнительная часть содержит компонент-этноним, называющий представителя «чужой» культуры (**чёрный как араб**) и 2) обороты, в которых субъект сравнения – зооним (**чёрный как грач**). Устойчивые сравнения внутри каждой группы возможно признать лексическими вариантами в силу того, что переменные компоненты компаративной структуры входят в одну лексикотематическую парадигму. Единицы разных групп соответственно находятся в синонимических отношениях. Функционирование оборотов с компонентом-зоонимом связано с актуализацией когнитивного признака «чёрный цвет», который выражается в структуре фразеологического значения семами – ‘смуглый, загорелый’. В данном значении устойчивые сравнения первой и второй групп являются контекстуально взаимозаменяемыми и могут использоваться со словами-сопроводителями *чёрный, смуглый, загорелый*. Однако употребление сравнения с компонентом-этнонимом сопровождается репрезентацией не только колоративного когнитивного признака, но и признака «грязный», что является результатом стереотипной оценки определённых народов с позиции носителя русской этнокультуры. Следовательно, расхождение на уровне смысловой структуры между единицами типа **чёрный как жук** и **чёрный как негр** подтверждает синонимический характер их связи. Сравним: 1. *Его противник, цыган лет тридцати, **чёрный, как жук**, с острыми «голодными» скулами, покрытыми густой щетиной, играл успешно* (А. Туманова. Не забывай меня, любимый!); 2. *Мимо меня, появляясь из ни-*

откуда, проходили люди и шли в сторону ворот из цеха. А я стоял и смотрел в «туман». С висящим на ушах упаковочным целлофаном, торчащей из носа щепкой и **чёрный, как негр**, покрытый толстым слоем пыли. Рядом валялась огромная куча мусора (Как я в цехе убирался // <http://www.yaplakal.com>). Контекстуальное окружение устойчивых сравнительных оборотов свидетельствует о разнице объективированных признаков «чёрный». В первом примере – ‘смуглый’, во втором – ‘грязный’.

Подтвердим тезис о том, что большинство компаративных фразеологических единиц с инокультурным компонентом существует в языке параллельно с единицами, обладающими национально-культурной спецификой, также следующим примером. Сравним синонимичные единицы **словно шайтана бояться** и **бояться как чёрт ладана** – ‘о сильном страхе, испуге’. Так, *шайтаном* в исламе называют злого духа, дьявола, демона, а *чёрт* является славянским персонажем дохристианского происхождения и служит родовым названием для обозначения злых сил. Обратим внимание на то, что компонент *шайтан* в структуре инокультурной фразеологической единицы – это объект страха, тогда как в этнокультурной фразеологической единице *чёрт* не является причиной боязни, в компаративном обороте *чёрт* – это объект сравнения, он сам испытывает страх перед ладаном – используемыми в церкви ароматическими смолами, возгоняемыми в кадиле на горящих углях. Следовательно, образная составляющая фразеологического значения зависит от степени «чуждости» культурно значимых смыслов, передаваемых компонентами данной единицы, окружающей действительности носителей языка. Например: – *Ага, боишься!* – *загоготал Гамид*. – *А мне говорили, что запорожцы и самого шайтана не боятся* (В. Малик. Посол урус-шайтана // http://kulichki.com/moshkow/PRIKL/MALIK/posol_urus_shaitana.txt). Речевая реализация трансформированной фраземы **шайтана не бояться** – ‘ничего не бояться’ – в представленном контексте раскрывает глубинный культурный смысл – незначимости для славян образа шайтана.

Безусловно, большинство компаративных фразеологических единиц с инокультурным компонентом функционирует в диапазоне неодобрения. Данное обстоятельство обусловлено тем, что репрезентация названных единиц затрагивает лингвокультурное пространство «Чужого», и при включении в оппозицию «Своё / Чужое» они приобретают негативную коннотацию, связанную с противоположными русской культуре аксиологическими принципами. Например, фразеологическая единица **сорить деньгами (швырять деньги, золото) / богат как индийский набоб** – ‘об излишне щедро, беззаботно, бездумно тратящем своё состояние человеке’ – по коннотативному фону является иронической, с оттенком осуждения. Например: 1) *Прислуге швырял я золото, как индийский набоб* (А.И. Куприн. На покое); 2) – *И должно быть богат, как индийский набоб? – не унимались мы*. – *Родословную показывал, – обижалась на недоверие Анька* (Н. Горская. Князюшка). Отметим, что основание сравнения – **сорить деньгами** – функционирует как самостоятельная единица косвенно-производного характера со значением ‘быть расточительным’ и соотносится с эквивалентом из французского языка *Semer l'argent* – ‘роскошничать’. Объект сравнения в данном компаративном обороте – элемент «чужой» культуры». Действительно, *набобами* со второй половины XVIII в. в Великобритании и Франции называли людей, разбогатевших, прежде всего, в индийских колониях. Впоследствии в Европе слово *набоб* стало употребляться для называния просто быстро разбогатевших людей, выскочек, ведущих праздный, расточительный или экстравагантный образ жизни. На наш взгляд, именно использование в составе косвенно-производной единицы сравнительной части указывает на то, что описанный поведенческий стереотип расходится с эталонами русской культуры. Это без труда доказывается путём сравнения смысловой структуры единицы **сорить деньгами**

(швырять деньги, золото) как индийский набоб со смыслом, который передаётся русскими поговорками *копейка рубль бережёт, денежки любят счёт, без копейки нет рубля, копейка к копейке проживёт и семейка* и мн. др. [3, с. 163–164].

Обратимся к образной основе единицы *(как) китайский болванчик* – ‘самодовольный и ограниченный человек’. При соотношении данной фразеологической единицы с *китайским болванчиком* как названием сидячей фарфоровой фигурки с качающимся туловищем можно сделать, на наш взгляд, интересные выводы.

С одной стороны, номинатив *болванчик* является производным от *болван*, которое этимологически восходит к др.-русск. *бълванъ*, укр. *бовван* ‘массивная глыба неопределённых очертаний, идол, болван’, блр. *балван* ‘деревянный столб в углу печи, столб, свая’ и к подобным вариантам в ряде родственных языков. Таким образом, в качестве прообраза китайской фигурки выбирается представление об идоле в славянских культурах. Вербализация в русском языке в данном случае сопровождается использованием продуктивного уменьшительно-ласкательного суффикса -чик- со значением ‘небольшой по размеру’. В то же время лексема *болван* употребляется в русском языке и в значении ‘дурак’, имеющем устойчивую отрицательную коннотацию. Отсюда – выражение негативного отношения говорящего к предмету номинации в случае с *китайским болванчиком*.

С другой стороны, в основу формирования фразеологического значения косвенно-производного знака *(как) китайский болванчик* ложится образ уродливой китайской статуэтки, что обуславливает наличие в его структуре отрицательной коннотативной семы. Например: – *Ну вот, опять! – она протестующим жестом оттолкнула руку своего спутника. – Не надо было сюда приходить. – Но, Неточка? Почему? – Ты как китайский болванчик с этой своей идиотской улыбкой... И что за упрямство такое – зачем ты приводишь меня сюда?* (Е. Ткач. *Бронзовый ангел* // <http://tululu.ru/read63276/>). В представленном контексте один из говорящих, указывая на неприятное выражение лица (глупую улыбку) своего собеседника, приводит сравнение с *китайским болванчиком*. Следовательно, языковая память, скорее всего, поддерживается именно за счёт представления говорящего о внешнем облике китайской статуэтки.

Закрепившись в языковом сознании народа, компаративные фразеологические единицы с инокультурным компонентом постепенно расширяют сферы употребления, что, как правило, влечёт за собой процесс актуализации в их значении новых сем, не входящих изначально в семантическую структуру. Сравним, например, контекстное употребление выражения *как на турецком базаре (как по турецкому базару)*: 1) – *Скажите, пожалуйста, установка огромных рекламных щитов как-то согласовывается с архитектурой? Панораму города из-за них уже невозможно разглядеть. Едешь по Владивостоку, как по турецкому базару...* (Комсомольская правда. Дальний Восток, 4.11.2008); 2) *Выбирая платье для Пугачёвой, Киркоров торговался, как на турецком базаре* (Комсомольская правда, 15.03.2005); 3) *В результате перебранок, во время которых пассажиры забыли об известной английской сдержанности и вели себя, как на турецком базаре, с поезда выкинули Валло* (www.gameru.net/forum). Слово сочетание *турецкий базар* в прямом значении трактуется как ‘оживлённое место торговли в Турции’. Сложившаяся в последнее время культурная ситуация, связанная с повышенным интересом русских к Турции как месту отдыха, повлияла на накопление представлений о популярном среди туристов месте – турецком базаре – и спроецировала их на иные бытовые ситуации, тем самым обусловив появление компаративного оборота *как на турецком базаре (по турецкому базару)*. В значении данного оборота происходит актуализация сем ‘беспорядочный’ (контекст 1),

'позволяющий торговаться' (контекст 2), 'не сдержанный этическими нормами' (контекст 3), при этом весомую смысловую нагрузку несёт именно компонент *турецкий*. В большинстве случаев смысловая структура рассматриваемой единицы имеет отрицательную модальность, источником формирования которой являются, на наш взгляд, эмоционально-чувственные переживания и впечатления субъекта, нашедшие отпечаток в его сознании после посещения турецкого базара.

В заключение скажем, что фразеологическая модель образования компаративных единиц с инокультурным компонентом является продуктивной для фразеологической системы русского языка. Наряду с кодифицированными единицами, отражающими сложившиеся веками стереотипные представления русских о национально-специфических чертах «чужих», фразеологический корпус вмещает косвенно-производные вербальные знаки, приобретшие устойчивый характер в результате проекции на область идиоматики новых культурных знаний. Расширение сферы функционирования данных единиц и увеличение смысловой нагрузки, которую они передают, свидетельствует о постоянно обновляющемся и пополняющемся составе русской фраземики.

Список литературы

1. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–48.
2. Кашкин В. Б. Маркеры своего и чужого в межкультурном диалоге / В. Б. Кашкин // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. Часть 2. – Воронеж : ВГУ, 2004. – С. 49–62.
3. Лаптева М. Л. «Своё» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики : монография / М. Л. Лаптева. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2012. – 213 с.
4. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический) / В. М. Огольцев. – Москва : Русские словари : Астрель : АСТ, 2001. – 800 с.

References

1. Dobrovolskij D. O. Nacionalno-kulturnaya specifika vo frazeologii (i) // Voprosy yazykoznanija, 1997, № 6, pp. 37–48.
2. Kashkin V. B. Markery svoego i chuzhogo v mezhkulturnom dialoge // Vzaimoponimanie v dialoge kultur: usloviya uspeshnosti. Voronezh, Voronezh State University, 2004. Part 2, pp. 49–62.
3. Lapteva M. L. «Svoe» i «chuzhoe» v kognitivno-diskursivnom prostranstve russkoj frazemiki. Astrakhan, Publishing House «Astrakhan University», 2012. 213 s.
4. Nacionalnyj korpus russkogo yazyka. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.
5. Ogolcev V. M. Slovar ustojchivykh sravnenij russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskij). Moscow, Russkie slovari, Astrel, AST, 2001. 800 p.